

Мрибцна молодога журналиста

№5(7)

май

1999

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

МУЗЫКА ВОКРУГ НАС

*О, сколько музыки у Бога,
Какие звуки на земле!*

Эти строки — знаковые для Шостаковича в финале его прекрасного блоковского цикла. Читая студенческие критические заметки этого номера, проникаешься той же мыслью. Вроде бы в центре внимания молодых авторов, не то давнее, нетленное, что подсознательно звучит внутри нас как «музыка от Бога», а сравнительно новое, создаваемое рядом, далеко не бесспорное и, главное, такое невообразимо разное. Но, видимо, пора понять и принять, что наш завершающийся «безумный, безумный» век звучит по-своему, что в его пестром звуковом облике, где смешались старинное и архисовременное, высокое и низкое, грубое и нежное, оглушающее громкое и тишайшее, отражаются все мы, кому довелось в это время жить.

*Кто музыки не носит сам в себе
Кто холоден к гармонии*

прелестной,

Тот может быть изменником,

лгуном,

Грабительем; души его движенья

Темны как ночь...

Шекспир знал человеческую природу как мало кто. И понимал, сколь важно, чтобы душа отзывалась на прекрасное. А «чем сердце успокоится», как говорят прорицательницы, в контактах с музыкой вещь очень индивидуальная. Даже в нашей академической, музыкально высокообразованной среде ценностные критерии далеко не однородны. Что уж говорить о мире! Оценивая, анализируя звучащую данность критик, естественно, не может все полюбить (сердцу не прикажешь!), но обязан понять, что и почему волнует, притягивает его современников, куда — в прошлое, в будущее, в новые неведомые измерения — устремлены духовные поиски жаждущих художественного удовлетворения, кто и за какие достоинства становится властителем дум и душ, в чем корень успеха или провала, скорого забвенья или долгой славы. Понять значит перестроить мышление, как говорил М. Бахтин. Понять и сочиняющего, и музицирующего, и слушающего. Понять и оценить по достоинству.

*Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать, никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой*

жизни;

Вся предалась бы вольному

искусству.

*Какое счастье — наш Пушкин!
На днях мы все вместе и каждый сам
для себя будем праздновать 200-летие
его рожденья. С праздником!*

*Проф. Т. А. Курьшева,
художественный
руководитель «Трибуны»*

У НАС В ГОСТЯХ — КОМПОЗИТОР СЕРГЕЙ СЛОНИМСКИЙ

**«Смотрите,
Слонимский приезжает!»**

— то и дело раздавалось на первом этаже консерватории, рядом с доской объявлений. И встреча состоялась. Невероятно, но два часа общенияместили и показ за роялем уже известных и недавно оконченных сочинений, и блистательные импровизации. Было место и мыслям о вечном, о «старой» и новой музыке, и даже шуткам по поводу своего собственного носа, который, однако, владелец не хотел бы поменять на другой. Не было ни тени желания выглядеть оригинально, ошеломить или навязать собственное мнение, но ошеломляющее все-таки было: необыкновенное обаяние, доброжелательность, невероятная артистическая и музыкальная энергетика, открытость и настроенность на общение. Театр одного композитора состоялся!

Слонимский много играл, извлекая из инструмента полный, глубокий, выразительный звук (так, наверное, Брамс мог бы исполнить сочинения Слонимского!). Вспомнил своего учителя, Николая Дмитриевича Успенского, которому обязан умением сочинять в стиле знаменного распева (упомянув о запрете по идеологическим соображениям диссертации видного ученого-исследователя древнерусского певческого искусства). Глубина знаний о мире, широта и избирательность музыкальных интересов, огромная творческая энергия, яркая притягательность музыки — вот, что делает личность Сергея Слонимского неповторимой.

*Наталья Григорович,
студентка III курса*

**«Чем человек отличается
от тролля?»**

— таким неожиданным и одновременно интригующим вопросом открылась встреча студентов и преподавателей Московской консерватории с питерским гостем — композитором Сергеем Слонимским. Точнее, открылась монологическая часть встречи, вскоре переросшая, к восторгу всех присутствовавших, в театрализованное действие, где исполнитель и композитор слились в нерасторжимое, самодостаточное единство.

В качестве прелюдии к столь чудесному превращению прозвучали импровизации Мастера на «казанские» публичные темы — своеобразный диалог со стилями и техникой. Среди таких «заказов» была предложенная автором данных строк (и по случайности не узнавая Слонимским!) тема органной Вариации Шенберга ор. 40. Впрочем, «неузнавание» только пошло импровизации на пользу, поскольку Слонимский задействовал иные, нежели Шенберг, особенности материала. Речь, в первую очередь, идет о разработке сонорного потенциала темы. А «щипки» рояльных струн квази-пианино с привлечением кластерных звукокомплексов — красноречивое тому подтверждение.

Встречу продолжила демонстрация фрагментов последнего сочинения Слонимского — исторической оперы «Видения Иоанна Грозного» (либретто Я. Гордина), недавняя премьера которой состоялась в Самаре (дирижер — М. Ростропович, режиссер — Р. Стурра). Основная идея оперы, по признанию композитора, состоит в попытке по-новому взглянуть «на нашу большую проблему»: взаимоотношение власти и народа. Впрочем, нравственный вывод Слонимского о неприемлемости диктатуры в любой ее форме, о невозможности тирании как альтернативы самому скверному госу-

дарственному устройству отнюдь не нов, и тем более для традиций русской культуры.

Основная сюжетная линия «Видений» сводится к воспоминаниям царя о совершенных им злодеяниях — убийстве собственного сына, Митрополита, рабски преданного Федьки Басманова, не погнавшего перед тем заколоть, по приказанию Ивана, собственного отца... Драматургия оперы содержит инверсионную идею — произведение начинается с эпилога, который по ходу действия получает разъяснение и оправдание (если тирания вообще может иметь сколько-нибудь приемлемое оправдание). Кажется, следование сюжета «в обратную сторону» аналогично структуре нашей памяти, которая тоже представляет собой движение вспять, возвращение в прошлое для обогащения, обобщения и исторического осмысления.

По поводу «техники своего музыкального языка», Сергей Михайлович заметил, что индивидуальность художника заключена не в «изме» (мини-, сериал- или каком-либо из вновь придуманных направлений), но в решимости быть самим собой, в смелости говорить то, что считаешь нужным и так, как считаешь нужным. Лексическую основу сочинения можно определить, в связи с этим, через филологическое

понятие «многоязычия», поскольку иногда автор «говорит» на языке древнерусской монодии (а ведь он имел счастье учиться у выдающегося специалиста в этой области Николая Дмитриевича Успенского), иногда «одевается» в квази-фольклорный костюм (хотя считает, что «фольклорные цитаты — это неприлично»; и поэтому подлинных народных мелодий в опере нет). В то же время Слонимский широко использует современные приемы звуковой выразительности, например, микрополифонию в духе Лютославского, — композитора, музыку которого, по собственному признанию, «обожают».

В заключение Сергей Михайлович исполнил свои фортепианные сочинения: две пьесы («Интермеццо» памяти Брамса из цикла «Воспоминания о XIX веке» и «Колокола»), а также «две с половиной» прелюдии и фуги (полностью циклы: F-dur и es-moll, и прелюдию Fis-dur — «китайскую», как объявил ее автор). Слонимский пояснил, что гармоническая идея цикла состояла в попытке возврата к ренессансной трактовке высотной системы. Однако, все же акцентировал особое прочтение «добаховской» тональности, сознательно дистанцировав себя от варианта интерпретации, известного нам по творчеству Свиридова или Гаврилина. «Это другая диатоника», — сказал композитор.

Способность быть самим собой — это, по Слонимскому, не просто обязательное для художника умение. Это то, что, вспоминая «Пер Гюнта», музыкант считает важнейшим свойством человеческого существа вообще. Так возникает оппозиция с троллем. Всегда довольный собой, тролль лишь играет написанную для него роль (может быть, отсюда тайная связь слов: тролль — роль?). Человек же наделен возможностью меняться в своих устремлениях, а значит, творить себя сам. Не в этом ли предназначение художника и одна из животворных сил искусства? — спрашивает Слонимский. — Не этим ли человек отличается от тролля?

*Елена Доленко,
студентка III курса*

С ЛЮБОВЬЮ К ПАМЯТИ

«Все реки текут в море, — но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (Еккл., 1, 7).

Одна из замечательных личностей Московской консерватории, Альберт Семёнович Леман, совсем недавно ушедший из жизни, мечтал о проведении вечеров, посвящённых памяти тех выдающихся музыкантов, чья жизнь была тесно связана с консерваторией. Молодые дарования должны чувствовать, нести в себе и продолжать традиции своих учителей и их предшественников. Истинное творчество, переходя от одного поколения к другому, длится непрерывно. Сам Альберт Семёнович в классе среди многочисленных студентов охотно делился трогательными воспоминаниями о своих учителях — великих людях: Д. Д. Шостаковиче, М. Ф. Гнесине, Н. И. Голубовской.

И всякая деталь, подробность в рассказах воспринималась с особым интересом: большой, чуткий художник берёт в себе самое ценное и значительное, что довелось ему видеть в этой жизни. Переживший блокаду, труднейшие послевоенные годы и множество трагических

событий в своей жизни, Альберт Семёнович никогда не забывал о своих учителях, способствовавших раскрытию его собственного таланта: в печати выходили статьи (об Асафьеве, Гнесине, Шостаковиче), на уроках цитировались меткие высказывания его наставников, вспоминались эпизоды студенческих лет, а партитуры подтверждали то, что перед нами Музыкант, связующий столетия — прошлое и настоящее. Ведь нельзя не вспомнить о том, что, к примеру, М. Ф. Гнесин занимался в классе Н. А. Римского-Корсакова, и Альберт Семёнович с гордостью считал себя «внучком» учеником Римского-Корсакова...

И вот идея Альберта Семёновича воплотилась в жизнь. Усилиями кафедры Композиции 27 апреля 1999 года в Белом зале прошёл концерт, посвящённый творчеству профессоров консерватории — Н. Я. Мяковского, В. Я. Шебалина, А. Н. Александрова. Низкий поклон всем организаторам этого концерта и тем, чьи воспоминания прозвучали в нем: Т. Н. Хренникову, А. А. Николаеву, Р. С. Леденёву, В. И. Рубину.

Немногие знают, что здание Белого зала некогда было обыкновен-

ным жилым домом, где находились квартиры профессоров Московской консерватории. В самом зале, где состоялся концерт, прежде располагалась знаменитая ламмовская библиотека, о которой ещё хорошо помнили некоторые участники концерта, и две комнаты, в которых жил сам Павел Александрович Ламм, профессор консерватории камерного ансамбля с двумя сестрами, и где проходили занятия с учениками.

Обстановка на концерте была удивительно теплая, живая и непринуждённая, хотя присутствовало небольшое количество публики. Наши педагоги рассказывали о своих годах учебы, создавая яркие портреты мастеров, их обучавших. После слов, проникнутых любовью и благодарностью, и отзывавшейся музыки хотелось скорее уединиться и задуматься о многом важном в жизни.

Концерт вела студентка Анжелика Комиссаренко. Прозвучали: Соната для виолончели и фортепиано (в исполнении М. Тарнорутского и Е. Комиссаровой) и «Мадригал» (в исполнении заслуженной артистки Л. Белобрагиной и М. Шалитаевой) Н. Я. Мяковского; соната для альта и фортепиано (играли О. Машукова и Ю. Парамонов) Шебалина; ро-

мансы Александрова (с Л. Белобрагиной и М. Шалитаевой). Эти изумительные сочинения заслуживают восхищения, и знакомство с ними для многих, думаю, только началось.

Удивительное событие совершилось в этот вечер. Идея Альберта Семёновича, как это было со многими его идеями, казалась, выдохлась в ушедшее время, увлеклась и не давала забыть, что к сожалению, сейчас во многом утрачено. Подобные концерты необходимы не только композиторам. Огорчило отсутствие как исполнительских, так и историко-теоретического факультетов. Хочется надеяться, что к будущим концертам, в которых наши педагоги-подвижники будут знакомить публику не только с теми, кто преподавал композицию в консерватории, но и с теми, кто сегодня в ней трудится. Присутствовавшие в этот вечер в зале навсегда с благоговением сохранят самые светлые воспоминания об этом концерте.

«Просим же вас, братья, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас. И почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою» (1 Фес., 5,12–13).

*Жанна Сипанина,
студентка III курса*

